

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отчего так грустно вспоминать, оборотившись к прошедшим десятилетиям, свои дела, работу свою, которой отданы вся страсть, все силы, помыслы и надежды? Откуда эта боль, эта щемящая тоска? Ведь мнилось все эти годы, что людей защищать, помогать им в спорах ли гражданских, в защите ли их прав в уголовных делах, что отстаивать их интересы, противостоят грозной обвинительной власти, вслед за гением российским «милость к падшим призывать» — завидная судьба.

Так почему же сейчас, когда о милосердии, о гуманности, о чести и достоинстве личности слышатся голоса не только адвокатов, почему же именно теперь так смутно на душе и горько вспоминать? Надо бы радостным быть, но «услужливая» память все чаще подсовывает из пережитого жуткие мгновения ожидания приговоров, когда наивная надежда еще едва теплится, еще чуть трепещет в сердце и... безжалостно, бессмысленно жестоко, немилосердно рушится провозглашенным приговором. Какое отчаяние от беспомощности своей, какая обида от непонимания, какая тоска от бессилия что-либо изменить, исправить!

...А людей судили. Сотнями, тысячами. За все.

За скандал на собрании, когда один из них, хлебнувши для храбрости самогонки, такую «демагогию» (как потом писалось в обвинительном заключении) развел, так лихо по столу кулаком стучал, что чернильница упала, а секретарь райкома — был там один такой «смельчак» — под стол сиганул. Секретаря этого немного позже сняли, но парню это не помогло. Ему успели, выслуживаясь перед не снятым пока сек-

ретарем, дать «под завязку» — 5 лет за хулиганство. А я его защищал...

...И за дебош в доме, когда ветеран войны (а было ветерану лет под тридцать, но уже без ноги и одного глаза), матерясь на чем свет стоит, вышибал дух из бухгалтера колхоза, тоже ветерана, но без руки, за какие-то там расчеты по трудодням. Судили хромого ветерана. И хотя защищал его не только я, но и потерпевший бухгалтер, и говорили мы оба простые и ясные человеческие слова, что можно и нужно понять и простить, и хотя рыдали в зале суда мать и вновь неожиданно вдовающая жена, посадили всё ж таки мужика.

И за опоздание на работу судили. Девчонку еще, заводскую. Помню, как по-детски плакала она, размазывая по щекам слезы и шмыгая носом, и сказать толком ничего не умела. И вновь я защищал, тогда еще тоже такой же молоденький мальчишка, готовый тоже чуть ли не расплакаться от жалости и сострадания, взывая судей к тому же. Мне казалось — убедительно защищал, проникновенно, искренне. И не о многом просил — о милости небольшой: не сажать в тюрьму девчонку, не лишать свободы, наказать, но по-другому как-нибудь. Не защитил. Посадили и ее. «И поведай, как в бараке привыкала ты к баланде...»

Памятный 1953 год. Умер Сталин, но весь ужас, все страдания народные еще не умерли вместе с ним. Не было ни порядка, ни благоденствия, ни счастья. Я свидетельствую, я видел. Видел сотни тысяч мужчин и женщин в лагерях. Видел этих же людей в нищенских хозяйствах, носивших имя «вождя». Слышал стенания женщин, видел равнодушие к ним, жуткое, бесчеловечное равнодушие ко всем. Но особенно к оступившимся, к «падшим».

Милость к падшим. Слышите, к падшим!

Великий человек, гордость нашей Отчизны, призывал к чувствам добрым и любезен был народу. Куда же чувства эти подевались? Откуда жестокость такая, злоба, нелюбовь к соотечественникам? Кто и что порождали это безумное массовое лишение свободы на годы, десятилетия тысяч, сотен тысяч, миллионов людей наших, мужчин и женщин, стариков и несовершеннолетних, больных и умирающих, да-да, и умирающих. Я видел, как в Московский городской суд практически на носилках приносили человека, чтобы осудить, к лишению свободы, конечно. Больного, старого, умирающего человека — и не убийцу, не насильника, не разбойника.

Я помню, как во время суда перекосило, частично парализовало человека, но после перерыва суд продолжался, и заплетающимся языком, сквозь кривящиеся полупарализованные губы произносил показания подсудимый и продолжал посылно сражаться с обвинением. Вотще!

Все прошедшие годы рядом с ним, падшим, в порой бессильных устремлениях помочь, в сострадании и жалости, в тисках собственного бесправия и беспомощности, с тщетными призывами к милосердию был я, его защитник.

Не оттого ли так больно и горько вспоминать? Впору не только загрустить...

Но грешно сегодня лишь предаваться безутешным воспоминаниям. Сегодня голос защитника может и должен быть услышан не только судом, но всеми людьми нашими. Отцы и матери, братья и сестры, дети наши порой оступаются, падают, сказать страшно — иной раз и преступниками становятся. Не наш ли долг — общий, совместный — не подталкивать их далее, в смрад и скверну? «Люди они, человеки!» А мы им, голодным, куска хлеба не протянем. Страшно

и это сказать — за то, что адвокат, защитник, во время свидания хоть хлеба даст подзащитному своему, его, защитника, из защитников могут выгнать. Чтоб не было сердобольных защитников, чтобы и они, даже защитники, равнодушно взирали на страдания людей, хоть и преступивших закон, но живых, из плоти и крови, страдающих, на волю рвущихся и... голодных.

ГЛАВА 1

СЕМЬЯ, ИЛИ КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

*Заставив жизнь назад листать страницы...
Микеланджело Буанаротти*

Жизнь моя началась в 1931 году ровно так, как и миллионы других москвичей, а именно — в роддоме. Правда, роддом этот был не обычный, каких множество в Москве, а сам давно ставший героем литературных произведений и мемуаров — родильный дом, стоявший ранее на Арбате и носивший имя Грауэрмана[1]. Жаль, что его не удалось сохранить на старом месте!

Так получилось, что я знаю очень многих людей, которые появились на свет именно в нем. Такой своеобразный клуб! Недавно, например, получив в подарок от известного юриста, одного из крупнейших специалистов России по международному частному праву Марка Богуславского его автобиографическую книжку «Свидетель эпохи», я и в ней нашел упоминание о «родном роддоме» — оказалось, что и он член этого «клуба». Перелистывая воспоминания Марка Моисеевича, я в очередной раз удивился — как тесен мир! Дело в том, что его маму Генриетту Богуславскую я знал довольно давно, она шила платья у бабушки моей первой жены. И я, бывая в гостях у этой бабушки-портнихи, познакомился там с Генриеттой Абрамовной. Она была адвокатом, а позже я узнал, что ее сын — крупный ученый, юрист-международник. Прочтя в книге Марка Моисеевича, что и в детстве, и в юности мы все время обитали где-то совсем рядом, в московских переулочках, мне стало приятно, будто я встретил друга детства.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
<i>Глава 1</i> Семья, или как все начиналось	8
<i>Глава 2</i> Козиха	21
<i>Глава 3</i> Патрики	35
<i>Глава 4</i> Война и мы	46
<i>Глава 5</i> Московские школьники	61
<i>Глава 6</i> Студенческие годы	74
<i>Глава 7</i> Будни провинциального юриста	84
<i>Глава 8</i> Первые серьезные дела	102
<i>Глава 9</i> «Куриный инстинкт»	110
<i>Глава 10</i> Командировки	123
<i>Глава 11</i> Торжок	136
<i>Глава 12</i> Самоубийства и «цыганское дело»	149
<i>Глава 13</i> «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее»[19]	165
<i>Глава 14</i> Вместе	174
<i>Глава 15</i> Судебные дела — чужие судьбы	183
<i>Глава 16</i> Домой, в Москву!	198
<i>Глава 17</i> Владимир Высоцкий	212
<i>Глава 18</i> Адвокат и общество	221
<i>Глава 19</i> Оговор и самооговор	230

<i>Глава 20</i> Рождение союза адвокатов.....	238
<i>Глава 21</i> Громкие имена.....	244
<i>Глава 22</i> Испытание героизмом	258
<i>Глава 23</i> Дела политические и не только	271
<i>Глава 24</i> Не работой единой жив адвокат	282
Послесловие автора	293
Примечания.....	295

